

НАША КНИГА

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Любая попытка напомнить про «Вехи» моментально невротизирует разговор. Завистливо признанный современниками издательский успех — и глубина провала, политической неудачи авторов-скандалистов. Как вдруг скандал-провал обернулся интеллигентной святыней, предметом стыда и гордыни разом — и остается такой по сей день. Сто лет русская политическая дискуссия, с чего бы не началась, воровски съезжает на «Вехи». Пережив еще несколько государств и революций, Россия стала территорией «Вех». Интеллигент давно упростил себе задачу идентификации, ему для этого достаточно заявить о своем «либеральном ренегатстве» и «возблагодарить власти». Впрочем, отступничество стало излишеством — довольно, если тебя в нем уличают.

***

А чем занята жестокая власть в дни, когда Гершензон дописывает трагичное благословление ей? Чеховской прозой управления демократией. Премьер Столыпин отдает указание директору Бюро прессы Илье Гурлянду (по нынешнему курсу — Пресс-служба президента России): «Надо обратить в «Речи» внимание на явление, которое замалчивается прессой — это результат дополнительных выборов в Государственную Думу.. Говорят что страна полевела, а между тем выбирают октябристов и правых, а левые теряют места... Факты возьмите в делопроизводстве по

выборам. Статья должна быть в достойном тоне и не торжествующего характера»

«Речь», куда сватают заказуху свыше — не официоз, а частная газета с претензией на русскую Times (типа «Ведомостей» по тому же нынешнему курсу)! Но презрение прессы к реальности уже тогда бытует в полном нынешнем виде — и премьер униженно лично заставляет журналистов сделать их работу. А как быть? Сама по себе «Речь» ни за что не признает политически отвратительный факт.

Совершенно триумфалистское, «торжествующего характера» выступление Бухарина «Железная когорта революции» 1922 года начинается с ряда саркастических благодарностей, среди них — русской буржуазной интеллигенции, «которая была настолько глупа, чтобы во время войны дезорганизовать силы царизма». Спасибо Гершензону от Политбюро! А вот и еще привет. «Так вот на эти кадры, на кадры нашей интеллигенции мы прежде всего рассчитываем, к ним обращаемся в нашей Книге... — Это Сталин на Политбюро, а Книга здесь упоминаемая... нет, не «Вехи»: «Краткий курс истории ВКПб». — Но мы на этом не остановимся, мы пойдем дальше, будем толкать рабочих и крестьян, чтобы все они стали интеллигентами! Тогда мы будем непобедимы». И тут же лично товарищ Сталин толкает вздрогнувшего Никиту Хрущева-«Товарищ Хрущев думает, что он до сих пор остается рабочим, а между тем он интеллигент (веселое оживление в зале)» — в октябре 1938 года, да из уст вождя, такое дорогого стоит.

***

С тех пор образованность стала технической и узколокальной, но невежество образованщины выросло и стало демонстративным И все же, ряд важных вещей «Вехи» прочно ввели в обиход.

Антинародничество «Вех», отклоненное современниками, тем не менее, перешло в запрет на идеологии в стиле немецкого фёлькише, и концепт «народа» избежал мрачной судьбы германского Volk. «Вехи» табуировали социальзывание народнического мифа в

нацизм. Большевики после 1917 года клялись народом лишь в той мере, в какой «народ» — бухаринская «железная когорта рабочих-крепьшей» — скован и повязан Партией. Иными словами, нацизация русской мысли, намеченная *любонародием* начала XX века, в России так и не состоялась. Этим советский антифашизм обязан веховской — **антинародной прививке.**

***

Другая тема еще интимней, и отнесится к тому, о чем говорят «Я у них там свечу не держал!». «Вехи» в сущности были последней попыткой открыто, вслух объясниться с образованцами — как со своими среди своих. После 1909 года интеллигент уже никогда всерьез не пытается добиться истины в своей среде. Интеллектуал *шифруется*. Шифруется и власть, верней, интеллигенту у власти — дабы не выдать себя на скандал, они не спорят о государственных интересах — **они их молча проводят.** Гершензон еще замечал — «русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции.»

Реализм и элитистский технологизм русской власти, неуверенно заявленный Столыпиным, со временем станет ее мейнстримом. Так проклятый всеми Хрущев выполняет одно из немногих интеллигентных и добрых дел русской власти за всю историю, убедительно шифруясь под труса и хама: советская интеллигенция конечно не выпустила бы лагерников по «беспринципной» тотальной амнистии 1956 года. И когда в 1991 году придет ее время царствовать, она удвоит число заключенных в лагерях свободной России. Путин, завершитель программы Столыпина, вовсе не удостоит интеллигенцию разговора. Но «прокремлевская манера» появляется уже во времена «Вех»! Ах как осторожны веховские скандалисты. Тот же П.Б. Струве, наприсовившись на секретный прием к премьеру Столыпину, записывает на промокашке тему беседы: «Организация думского большинства. Инициатива должна принадлежать правительству.». Но в статье, которую он одновременно пишет для «Вех», про такие грязные политтехнологии — молчок. ■